

М.А. Бойцов

СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ МОНАРХИЯ: ОШИБКА В ПЕРЕВОДЕ?*

Ставится вопрос о том, в какой мере отечественная концепция «сословно-представительной монархии» порождена политическими проблемами Российской империи рубежа XIX и XX вв. и идеологией сталинского времени.

Ключевые слова: сословно-представительная монархия, сословное представительство, сословие, историческая терминология, российская медиевистика, советская медиевистика

Среди историков, изучавших русские земские соборы, давно сложились две партии: одна склонна так или иначе сопоставлять эти соборы с западноевропейскими средневековыми «парламентами», другая же – напротив, от подобных сравнений решительно отказывается. Обсуждать позицию второй группы историков (к числу которых всегда принадлежали не менее уважаемые специалисты, чем к первой) здесь нет возможности. При знакомстве же с трудами «компаративистов», создается впечатление, что свое представление о тех самых «классических образцах», с которыми следует сравнивать земские соборы, они получали по большей части из работ российских же медиевистов-западников. (Так, Л.В. Черепнин охотно перенял понятие «феодальная монархия с сословным представительством»¹, лишь незадолго до этого впервые предложенное Е.В. Гутновой применительно к средневековому английскому Парламенту².) Однако в России и, тем более, в оторванном от мировой медиевистики Советском Союзе могла сложиться своя собственная традиция восприятия, описания и представления средневековых парламентов, вовсе не обязательно

* В работе использованы результаты проекта «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

¹ Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII в. М., 1978. С. 389–390.

² Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента: (Из истории английского общества и государства XIII в.). М., 1960. С. 38, 563–564, 566–567 и др.

совпадавшая тогда (и совпадающая сейчас) с мировым мейнстримом. Поэтому прежде чем начать обсуждать, подходят ли русские земские соборы под модель, созданную российскими историками-«западниками», стоило бы внимательно присмотреться к тому, что эта модель собой представляла при своем появлении, что – при советской власти, и что представляет сегодня; откуда она взялась, при каких обстоятельствах и как развивалась, какие и чьи интересы выражала... Разумеется, чтобы дать развернутый ответ на все эти вопросы, пришлось бы провести обширное историографическое исследование, здесь же будут предложены лишь некоторые подходы к нему.

В нашей академической практике не принято ни прояснять историю понятий, которыми пользуются просто в силу сложившейся традиции или по привычке, ни, тем более, анализировать, какой ход мысли (или же какую цепочку ассоциаций) с самого начала задает тот или иной термин, выбранный историком. Между тем сегодня уже не требует доказательства, что любой термин отнюдь не нейтрален, и выбор терминологии сам по себе уже вполне может предопределить конечные результаты исследования. На Западе это поняли еще неокантианцы, благодаря которым (в конечном счете) появился, например, такой замечательный многотомный труд, как *Geschichtliche Grundbegriffe*³, где можно проследить, как менялся смысл того или иного хорошо известного понятия – например, «собственность», «иерархия», «развитие», «реформа», «знать», «общество», «репрезентация», «мир», «равенство», – и какими значениями, ассоциациями, а также смысловыми шумами оно постепенно обогащалось и обростало. Зато показательно, что у нас даже в самые суровые советские времена, когда нарушение ортодоксии было чревато серьезными неприятностями, слово «феодализм» и особенно «феодальный» сплошь и рядом употребляли не в официальном истматовском значении. Например, когда говорили о чем-нибудь, вроде «феодальной реакции» боярства на мероприятия Ивана Грозного. Понятно, что речь здесь шла отнюдь не о «феодальной общественно-экономической формации», на смену которой Иван IV вел формацию буржуазную, тогда как бояре тормозили ее приход, а просто о политической раздробленности (которая у нас и сейчас еще почему-то порой называется

³ *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland* / Hrsg. v. O. Brunner, W. Conze und R. Koselleck. Stuttgart, 1972–1997. 8 Bde. Перевод ряда статей из этого труда на русский язык готовится в настоящее время К.А. Левинсоном.

«феодальной»⁴). Слово «феодальный» продолжало тем самым использоваться в досоветском, «французском», сугубо «устаревшем» (с точки зрения официального марксизма) смысле – одном из тех, что некогда был так присущ реакционной «буржуазной историографии», но вообще-то должен быть преодолен в прогрессивной советской. Однако данного скандального обстоятельства не замечали, выходит, ни авторы, ни ответственные редакторы, ни рецензенты, ни читатели, ни гослитовская цензура. В «неправильном» словоупотреблении не скрывалось никакой тайной борьбы с ортодоксией, никакой старорежимной фронды – все дело было просто во всеобщей невнимательности и отсутствии здоровой привычки анализировать происхождение и контексты используемых понятий.

Поскольку сочетание слов «сословно-представительная монархия» упорно сопротивляется точному переводу на иностранные языки, создается впечатление, что оно является сугубо российским изобретением, в отличие от более простых терминов, таких как «сословная монархия», «сословное представительство» или же «представительное правление», аналоги которым можно сыскать во французском, английском или немецком языках. Кто именно придумал новообразование «сословно-представительная монархия», еще предстоит установить.

В книге В.К. Пискорского (1867–1910) о кастильских кортесах, вышедшей в 1897 г., только однажды мелькает выражение «сословно-представительное собрание»⁵. Предпочитает же автор

⁴ К слову: бывала ли «политическая раздробленность» когда-либо «рабовладельческой» или «капиталистической»? Зато процесс «политической централизации» почему-то никогда не обозначался как «феодальный», хотя, вроде бы, должен был происходить на основе той же самой «феодальной собственности», что ранее привела к возникновению «раздробленности». Устойчивые словосочетания, похоже, способны пережить любой режим и любое идеологическое переписывание истории: еще одно свидетельство того, что историк зависит от языка, которым он пользуется, сильнее даже, чем от парткома. Что же до самой «феодальной собственности» как краеугольном камне советской концепции феодализма, то причина, по которой *юридическая* категория собственности стала вдруг в глазах советских историков ключевой для любых *экономических* отношений, как выясняется, предельно проста. Вся эта политэкономическая схоластика обязана своим возникновением одному не самому грамотному тезису И.В. Сталина. См.: *Филиппов И.С.* Б.Ф. Поршнев и политическая экономия феодализма // Французский ежегодник. 2007. М., 2008. С. 87–129. Впрочем, это уже вопрос отнюдь не терминологии.

⁵ *Пискорский В.К.* Кастильские кортесы в переходную эпоху от средних веков к новым (1188–1520). Киев, 1897. С. XVII. Зато выражение «сословно-представительные учреждения» постоянно используется, например, в: *Тарле Е.В.* Сословная монархия и сословные представительные учреждения // Энциклопедический словарь. СПб., 1900. Т. 30а. С. 913–914.

говорить о «народном представительстве», «представительном образе правления» и даже о «национальном собрании», о том, что кортесы служили «известным выражением народных интересов» и их следует оценивать в зависимости от того, насколько они сдерживали «произвол королевской власти» и в какой мере служили выражением «голоса нации»⁶. Все эти обороты и ходы мысли не только выдают в авторе либерала-западника, но и совсем неплохо соотносятся с классическим французским словоупотреблением применительно к истории Генеральных Штатов и английского Парламента.

Похоже, что исторически самый глубокий смысловой слой в интересующем нас русском термине относится к «французской» идее представительства, однако отнюдь не каких-то там туманных сословий, а *всего* народа (или, применительно к Средневековью, *всего* королевства). Знаменитый курс лекций Франсуа Гизо (1787–1874), прочитанный еще в начале 20-х годов XIX в., но опубликованный существенно позже, видимо, и побудивший российских либеральных историков присмотреться к средневековому английскому Парламенту и подобным ему собраниям в других странах, был посвящен истории отнюдь не «сословного представительства», а «представительного правления»⁷. Естественно, речь в нем шла отнюдь не о «представительстве *сословий*», а – в духе идей Просвещения – о постепенном вызревании представительства *всего народа* или *всей нации*, о медленном, но неуклонном движении к столь ценимой Ф. Гизо конституционной монархии. В Российской империи подробно обсуждать явления, подпадающие под понятие «представительного правления», было, скорее всего, не вполне комфортно, поскольку последнее является не чем иным как альтернативой правлению самодержавному. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона статья «Представительство (политическое)» написана весьма кислым тоном и весьма невелика по объему, но «Представительное правление» – меньше еще раза в четыре и занимает всего несколько строк⁸. (Книг русских авторов о «представительном правлении» в ходе подготовки данной заметки обнаружить вообще не удалось; правда, в 1863 г. вышел перевод

⁶ Пискорский В.К. Указ. соч. С. 161–162.

⁷ Guizot F.P. Histoire des origines du gouvernement représentatif en Europe. Paris, 1851–1852. 2 t.

⁸ Водовозов В.В. Представительство (политическое) // Энциклопедический словарь. СПб., 1898. Т. 25. С. 28; Представительное правление // Там же. С. 25.

собрания публицистических очерков Дж.С. Милля (1806–1873), ему посвященных⁹.)

Насколько одной своей стороной идеи конституционалистов XIX в. – в нашем примере Ф. Гизо – были противоположны идеям средневековых государей, вовсе не мечтавших об ограничении своей власти какими бы то ни было собраниями, настолько же другой своей стороной они соприкасались: ведь цель монархов далекого прошлого состояла не в том, чтобы собрать представителей трех (или любого иного числа) «сословий», а чтобы получить представительство *всего* королевства, княжества или *всей* «земли» – точно так же, как на церковном соборе собирается представительство *всей* церкви. Ценность средневекового политического собрания состоит вовсе не в том, что на нем представлены *все части* некоего целого, а в том, что представлено (пускай «лишь» символически) *всё целое*, даже если какие-то его части технически отсутствуют. Чтобы Парламент представлял «все общины Английского королевства», в нем вовсе не обязательно должны действительно собраться представители от каждой из бесчисленных общин¹⁰. Однако данная мысль в русском сочетании слов «сословное представительство» выражена как минимум не четко и легко побуждает историка двигаться в совершенно другом направлении – размышлять о том, как разные «сословия» были «представлены» в средневековых парламентах¹¹, а это – совсем иной сюжет.

Самая большая терминологическая сложность здесь состоит, видимо, в самом слове «сословие». Оно очень тесно связано с реалиями (или хотя бы юридическими фикциями) Российской империи. Сословное деление вводилось в России усилиями, прежде всего, Екатерины II, создавшей четыре «главных рода людей»:

⁹ Милль Дж.С. Размышления о представительном правлении. СПб., 1863. Следующее издание вышло в отредактированном переводе и под немного измененным названием: *Он же*. Представительное правление. Публицистические очерки. СПб., 1897.

¹⁰ Характерная особенность средневекового политического представительства ярко видна в Византии. При избрании императора или по иным серьезным поводам весь «Римский народ» может быть представлен одними столичными горожанами, да и то вовсе не обязательно всеми, а, например, лишь собравшимися на Ипподроме. Тем не менее, никто не ставил под сомнение то, что они (наряду с сенатом и войском) выражают волю всех ромеев.

¹¹ И не только средневековых. Так, Е.В. Тарле считает «сословной монархией» с сословно-представительным учреждением «афинское государство досолоновых времен» (Тарле Е.В. Указ. соч. С. 213).

дворян, духовенство, городских обывателей и сельских обывателей – деление, которое, будучи зафиксировано в ряду «общих положений» в начале IX тома Свода законов Российской империи, теоретически оставалось в силе до февральской революции 1917 г. «Из всех европейских государств роль правительства в создании С. была наиболее видной в России: наши С. сложились преимущественно не только под влиянием, но и по инициативе государственной власти»¹². Правда, с самого начала и до самого конца сословное деление было искусственным и плохо соотносилось со сложной структурой населения империи. При этом слово «сословие» употреблялось даже в Своде законов в весьма разных смыслах. Тем не менее, в распоряжении историков имелось достаточно авторитетное определение, приведенное и в цитировавшейся уже Энциклопедии: «Обыкновенно термином “сословие” обозначают отдельную группу подданных, своим юридическим положением каким-либо определенным образом отличающихся от остального населения, причем отличия эти передаются по наследству»¹³. Почти такое же определение, заимствованное, как мы теперь знаем, из юридической теории и практики Российской империи, систематически воспроизводилось и в советской литературе о «сословном представительстве». Оно продолжало применяться, даже несмотря на то, что, скажем, католическое духовенство (в отличие от православного) вряд ли в состоянии передавать свои характерные сословные отличия именно по наследству...

К сожалению, между исходными латинскими *ordines* или *status* и русским *сословие* имеется не меньше серьезных терминологических различий, чем совпадений. Они хорошо проявляются на следующем единичном примере. Согласно одной влиятельной юридической теории, в Англии, как и во Франции, имелись три *ordines* – *three estates of the realm*, – а именно: король и обе палаты парламента. То же самое и в Речи Посполитой: *tres ordines* там составляли король, сенат и посольская изба. Назвать короля первым *ordo*, сказать, что король составляет первый *ordo* или *status*, ранг, вполне возможно, но назвать его же «первым сословием» как-то язык не поворачивается. Тут-то и становится очевидным, что в русском слове иначе расставлены смысловые акценты, чем в исходном латинском – образ группы, притом большой, выходит на

¹² Лазаревский Н. Сословия // Энциклопедический словарь. СПб., 1900. Т. 30а. С. 911.

¹³ Там же.

первый план, идея ранга, статуса, уровня, чина, наоборот, уходит на второй. Слово «чин» подошло бы здесь, пожалуй, лучше, чем слово «сословие», но как образовать в нашем языке «представительство чинов»? (Вообще-то в таком образовании и нет никакой нужды именно потому, что «чины» явно безлики и мало самостоятельны и должны служить представлению некоего общего целого – земли, королевства или империи, а вот сами «чины» в собственном представительстве не нуждаются). Таким образом, русское слово «сословие» оказывается, с одной стороны слишком туманным, чтобы приобрести подходящее к западному Средневековью определение, но с другой – недостаточно туманным, потому что привносит с собой в подсознание историка сомнительные российские ассоциации.

Западные *ordines* не существуют в реальности (во всяком случае на первых порах) – они абстракции, родившиеся в сознании королевских юристов, знакомых с еще античными по происхождению органо-логическими теориями общества, с делением его на те или иные группы, обозначаемыми по-разному Аристотелем, Фомой Аквинским и другими теоретиками. Юристам нужно было собрать на ассамблею «все королевство» (как епископам бывает нужно собрать на собор «всю церковь»): юристы французские при этом руководствовались сугубо умозрительным представлением, что «все королевство» складывается из трех *ordines*, юристы же английские исходили из куда менее абстрактной идеи о том, что «все королевство» складывается из местных общин. По-своему конкретны были германские короли и императоры, хотя они, в отличие от английских коллег, не имели даже приблизительного представления о том, сколько общин может быть в их империи, а в отличие от коллег французских, не увлекались теорией трех-частного деления общества. Зато они составляли очень длинные и дробные списки тех, из кого империя складывалась в их понимании: «курфюрсты, князья, церковные и светские, прелаты, графы, бароны, господа, рыцари, оруженосцы, имперские и вольные города...» Именно «города» (т.е. партикулярные единицы, политические индивиды), а не «горожане» (т.е. «общенациональная» социальная группа), вопреки советской исторической науке, прилагавшей немалые усилия, чтобы выявить процесс складывания особого «городского сословия», которое должно было бы со временем вынудить короля консультироваться со своими представителями. В Священной Римской империи отдельным *ordo* («чином») еще в XV в. считается каждый город, а не «города» вообще,

каждый граф, а не «графы» вообще и т.д. Любой из этих политических субъектов является самостоятельным членом единого тела империи, и при отсутствии кого-то из них представительство империи будет неполным. Беспокоиться же о том, чтобы кто-то специально «представлял» некое особое сословие «графов», разумеется, никому не приходило в голову.

В английском, французском и немецком (что на уровне империи, что на уровне отдельной земли) вариантах мы наблюдаем одно и то же: центральная власть старается в своих целях организовать представительство всей земли, всего королевства, всей империи, а уж как она рисует себе это политическое сообщество, как определяет его существенные части и как собирает ассамблею, разнится от одной традиции к другой. Важнее всего, пожалуй, что в основе всех этих традиций лежат нормы и установки римского и канонического права. Если последняя гипотеза верна, она могла бы открыть путь к объяснению, почему средневековые парламенты стали характерной особенностью именно Западной Европы. И она же, вероятно, объяснила бы, в чем именно земские соборы в первую очередь не похожи на западные представительные собрания.

В немецком языке слову *status* соответствует *der Stand*. Это слово и по этимологии, и по сути намного ближе к латинскому прототипу, чем русское «сословие». Его вполне можно использовать для описания одного носителя определенного достоинства, будь то король, епископ или граф, не испытывая непреодолимых сложностей, как с русским «сословием». Но и оно оказывается на поверку слишком расплывчатым и многозначным, как жалуются немецкие историки¹⁴. Принадлежность к тому или иному *Stand* задавалась разнохарактерными признаками, то родовыми, то профессиональными, то еще какими-либо, что не позволяет историку выстроить сколько-нибудь стройную классификацию этих немецких «сословий».

В любом случае русские выражения «сословное представительство» и «сословная монархия» похожи больше всего на кальки с немецких *ständische Vertretung* и *ständische Monarchie*. Однако смысл их на русской почве оказывается иным, чем на почве немецкой. Так, в случае с какой-либо немецкой землей

¹⁴ См. характерную жалобу на исключительную сложность данного понятия: Conze W., Oexle O., Walther R. Stand, Klasse // Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. St.-Vert. 1990. Bd. 6. S. 155–284 (здесь – S. 156–159).

разных Stände в ней могут оказаться десятки – каждый знатный род, каждый город, соборный капитул или университет может представлять *собой* отдельный Stand. Здесь речь идет как раз не об абстракциях, как во Франции, а о вполне конкретных единицах – политических и правовых субъектах. Вопрос о представительстве таких Stände сводится преимущественно к тому, какие именно Stände собраны вместе и в каких палатах, на каких скамьях они сидят. При «русском» же понимании «сословного представительства» «сословий» должно быть не больше, чем пальцев на руке, они должны являть собой большие группы людей, причем главный вопрос сводится к тому, как именно осуществляется отбор тех людей, которые будут «выражать общие интересы» этой группы (интересно, знали ли ее члены о существовании таких интересов?) в предназначенной для нее палате. Почему именно такая постановка вопроса особенно увлекала русских либералов рубежа XIX и XX вв. догадаться несложно.

Однако придуманное ими сочетание «сословно-представительная монархия» похоже на эклектичное соединение двух разнородных немецких оборотов. Первый из них – ständische Monarchie – означает, как уже сказано выше, вовсе не такое устройство, при котором графы могут выбрать и отправить в парламент представителей от «сословия» графов, а такое, где каждый имперский граф может явиться сам, поскольку без него империя представлена не полностью. Сочетание же слов *repräsentative Monarchie* подразумевает не «представительство *сословий*», а представительную монархию либо примерно в том же смысле, что и *gouvernement représentatif* у Ф. Гизо, либо же в почти противоположном: решения, согласованные со всего несколькими десятками человек, обязательны для исполнения всей страной.

Если Т.Н. Грановский (1813–1855) пользовался словом «сословие» еще бессистемно, не вкладывая в него специального социологического смысла¹⁵, то, например, у Н.И. Кареева (1850–1931) в его книге «Поместье-государство и сословная монархия Средних веков», вышедшей в 1906 г., сословное общество средних веков получает четкие характеристики. Вот определение «сословной монархии»: «Король делился властью с представителями отдельных сословий, на которые распадалось каждое государственное общество. {...} Правом представительства пользовались

¹⁵ Грановский Т.Н. Лекции по истории позднего средневековья (лекция 1–43). М., 1971.

только высшие сословия или «чины» (*ordines, Stände*) государства и потому средневековые аналогии современных парламентов мы называем сословно-представительными»¹⁶. И ниже разъясняется: «В средневековом обществе на Западе, начиная с феодальной эпохи, мы различаем четыре сословия: духовенство, дворян, горожан и крестьян, и эти четыре сословия сохраняются там в течение всего нового времени до политических переворотов с конца XVIII в., которые положили начало разрушению сословного строя и превращению общества в бессословное гражданство, разделенное лишь на социальные классы»¹⁷. В приведенных определениях содержатся противоречия и очевидные сегодня анахронизмы, которые, не будучи вовремя выявлены, оказались унаследованы вместе с терминологией практически всей последующей российской и советской историографией.

Главным из этих анахронизмов является категорическое утверждение о реальном существовании «четырех сословий». Для Н.И. Кареева они – твердая и бесспорная социологическая реальность, а вовсе не продукт умствования средневековых юристов. Разумеется, теории юристов каким-то образом соотносились с их собственной действительностью и даже более того – оказывали на нее серьезное влияние. Однако сегодня историки видят структуру средневекового общества куда более сложной и многоуровневой, не сводимой ни к трем, ни к четырем или пяти большим группам. Но случайно ли постулированная Н.И. Кареевым сословная структура средневекового общества в книге, вышедшей в год избрания Первой Государственной думы, с точностью совпала с официальным сословным делением Российской империи? Действительно ли автор занимается выяснением средневекового прошлого или же книга его на самом деле имеет больше отношения к парламентскому настоящему и будущему России?

Между тем и книга Н.И. Кареева вообще, и приводимые в ней определения, в частности, оказали сильное влияние на последующие поколения отечественных медиевистов. Кстати, это именно у Н.И. Кареева сочетание слов «сословно-представительные учреждения» встречается, как и у Е.В. Тарле, постоянно, хотя, например, в трехтомном труде М.М. Ковалевского, вышедшем в

¹⁶ Кареев Н.И. Поместье-государство и сословная монархия средних веков: Очерк развития социального строя и политических учреждений в Западной Европе в средние века. 3-е изд. СПб., 1913 (Типологические курсы по истории государственного быта; 3). С. 6–7.

¹⁷ Там же. С. 177.

том же 1906 г., такого оборота нет. Не вытекает ли вся советская теория «сословно-представительной монархии» целиком именно из впечатляющего труда Н.И. Кареева?

В советские времена и без того расплывчатое дореволюционное понятие «сословие» было осложнено подчинением его категории «класс», относящейся к характеристике социальной группы уже не по юридическим, а по политэкономическим параметрам. В результате неопределенность как самого понятия, так и всех институтов, с ним связанных, возросла многократно. Если крестьянам несложно было превратиться в «класс-сословие», а классу феодалов предстать в виде двух эксплуататорских «сословий», то очевидные трудности возникли с городским сословием, которое не полагалось называть классом, но которое, во-первых, вроде бы обладало особым местом в системе производства, и из которого, во-вторых, со временем вроде бы должен был образоваться новый ведущий класс. Тем самым расплывчатые дореволюционные характеристики сословий (ассоциирующиеся с Российской империей, нащупывающей пути к парламентаризму и конституционной монархии) оказались осложнены совершенно новыми мотивами. В учебниках и популярной литературе городское сословие начинает вести себя примерно по образцу пролетариата (как его рисовали еще теоретики социал-демократии): сначала сословие горожан «складывается», потом «начинает осознавать свои интересы» и затем стремится через своих представителей отстаивать эти интересы в средневековом парламенте. Для того чтобы эта схема приобрела хоть какое-то правдоподобие, требовалось доказывать, что некое «городское сословие» (определяемое то по месту в процессе производства, то по сугубо юридическим характеристикам) уже существовало к моменту созыва первых представительных собраний. На худой конец оно должно было «складываться», но при этом уже заставлять так считаться с собой королевскую власть, что та ощущала необходимость в его поддержке.

В результате всех многочисленных смысловых наложений терминами «сословие», «сословное представительство» и «сословная монархия» (не говоря уже о «сословно-представительной монархии») к сегодняшнему дню стало очень трудно пользоваться. Достаточно уже того, что образ сословий стал не только двоиться, но и троиться – «сословия» оказываются и «объективно существующими» группами со своими особыми производственными, торговыми и политическими интересами (однако, похоже, не всегда догадывавшимися об общности этих интере-

сов), и фиктивными моделями таких групп, порожденными сознанием ученых теоретиков, и даже самими «представителями», собравшимися в разные палаты ассамблеи. Разобраться в этом терминологическом клубке стало уже совершенно невозможно.

Подведем итоги. Некритично используемые сегодня термины «сословно-представительные учреждения», «сословно-представительная монархия» и проч. тесно связаны со временем своего появления в трудах русских историков конца XIX – начала XX в. и с характерными именно для того времени академическими и политическими проблемами. При всей расплывчатости и заведомой многозначности они подталкивают еще и сегодняшнего российского историка к выбору определенного угла зрения на его материал. Так, исследователь, ими пользующийся, будет представлять себе сословие скорее в качестве реально существовавшей группы, нежели в качестве теоретического конструкта средневекового юриста. Группа эта скорее должна быть *большой*, отчего тот же историк, скорее всего, не заметит в качестве «сословия» никакого индивида (физического или же корпоративного). Группу эту он будет представлять себе скорее именно как совокупность близких по социальному положению людей, как социальный слой – «протокласс», «недокласс», нежели, например, как совокупность корпораций. (Следовательно, для него «сословием» будут именно «горожане», но не «города» или тем более отдельный город). У такого «реально существовавшего» сословия историк будет, скорее всего, стараться обнаружить не только специфический юридический статус, но и особые политэкономические характеристики. Того же историка будет, вероятно, куда меньше интересовать вопрос о представительстве «страны» как единого целого, нежели о представительстве одного сословия. Соответственно, его столь же мало будут занимать юридические (гражданско-правовые и церковно-правовые) обоснования «единства страны» и взаимосвязи отдельных ее сообществ, общих принципов представительства, но зато будет привлекать механизм появления представителей от одного «сословия» – прежде всего техника выборов. Закономерно, что привилегированным объектом его внимания скорее всего должны стать горожане, а не какие-либо иные «сословия». Вопрос же о том, что действительное складывание групп интересов может происходить только в ходе работы самих средневековых парламентов (а не еще *до* ее начала), не должен возникать у нашего историка вовсе (ведь «сословия» складываются заранее...). Вероятно, таких абберраций еще больше, но для того, чтобы по-

ставить вопрос о необходимости заново присмотреться к тому, что же собой представляли средневековые парламенты, наверное, достаточно и сказанного.

БИБЛИОГРАФИЯ

Водовозов В.В. Представительство (политическое) // Энциклопедический словарь. СПб., 1898. Т. 25. С. 28.

Грановский Т.Н. Лекции по истории позднего средневековья (лекция 1–43). М., 1971.

Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента (Из истории английского общества и государства XIII в.). М., 1960.

Кареев Н.И. Поместье-государство и сословная монархия средних веков: Очерк развития социального строя и политических учреждений в Западной Европе в средние века. 3-е изд. СПб., 1913. (Типологические курсы по истории государственного быта; 3).

Лазаревский Н. Сословия // Энциклопедический словарь. СПб., 1900. Т. 30а. С. 911–913.

Миль Дж.С. Представительное правление. Публицистические очерки. СПб., 1897.

Миль Дж.С. Размышления о представительном правлении. СПб., 1863.

Пискорский В.К. Кастильские кортесы в переходную эпоху от средних веков к новым (1188–1520). Киев, 1897.

Представительное правление // Энциклопедический словарь. СПб., 1898. Т. 25. С. 25.

Тарле Е.В. Сословная монархия и сословные представительные учреждения // Энциклопедический словарь. СПб., 1900. Т. 30а. С. 913–914.

Филиппов И.С. Б.Ф. Поршнев и политическая экономия феодализма // Французский ежегодник. 2007. М., 2008. С. 87–129.

Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII в. М., 1978.

Conze W., Oexle O., Walther R. Stand, Klasse // Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. St.-Vert, 1990. Bd. 6. S. 155–284.

Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Hrsg. v. O. Brunner, W. Conze und R. Koselleck. Stuttgart, 1972–1997. 8 Bde.

Guizot F.P. Histoire des origines du gouvernement représentatif en Europe. Paris, 1851–1852. 2 t.